

Л.Б. НИКИТИНА

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 81.161.1'23
ББК Ш141.12-006

ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОЛЕ КРЕАТИВА В РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация: Статья содержит описание словесных образов внутреннего мира человека в его интеллектуальной ипостаси, а также доказательства семантического расширения языкового образа homo sapiens, связанного с оценкой разных проявлений человека через призму интеллекта.

Ключевые слова: интеллект, метафоричность, семантическая глобализация, оценка, прецедентный текст

Интеллектуальная ипостась человека, с одной стороны, имеет статус субъектной языковой ипостаси: сам строй языка и речи, его сущностные характеристики зависят от уникальной способности человека мыслить; с другой стороны – может быть определена как объектная: интеллект становится предметом многочисленных высказываний, сущностью, которую неустанно оценивают и которой соизмеряют многочисленные и разнообразные по своей природе проявления человека.

Данное положение дел позволяет говорить о том, что речетворчество на тему интеллекта – это своего рода проникновение человека разумного в самого себя, познание разума посредством двух неотделимых друг от друга инструментов – человеческого мышления и языка.

Важнейшими особенностями образа homo sapiens как объекта языковой концептуализации и продукта речетворческой активности говорящих являются его метафоричность и семантическая глобализация. Первая представлена в статье через обращение к словесным образам интеллектуальных обитателей внутреннего мира человека (так называемой личностной духовной вселенной в определении М.П. Одинцовой [Одинцова 2002: 87]), вторая – через обращение к оценочным высказываниям о разнообразных проявлениях человека, осмысляемых говорящими через призму

интеллекта (комплексный анализ оценочных высказываний об интеллектуальных проявлениях человека см. в [Никитина 2007]).

По данным русского языка, человек имеет части, которые отвечают за умственные способности или являются производными ума: это *голова, ум, разум, сознание, мозг (мозги), извилины, мысль, идея* и т.д. В высказываниях разных стилей и жанров, представляющих словесные образы этих частей (назовем их интеллектуальными), регулярно варьируется единый пропозитивный фрейм-инвариант: «некто/нечто как бы живет/обитает / что-то делает/испытывает или что-то с ним как бы делается (делают) во внутреннем пространстве человека в целом или в какой-то части этого человека-пространства» (частица *как бы* в этой формуле указывает на переносный (метафорический) смысл).. Например: *в человеке кипит разум, зреет мысль; в голове включаются мозги, голова работает; человек шевелит извилинами, засоряет мозги, тренирует ум, порождает идеи, прогоняет из головы мысли* и т.д. При этом интеллектуальные части внутреннего человека могут покидать место своего обитания, становясь внешними по отношению к человеку объектами, воздействуя на человека извне: *разум покидает человека, сознание возвращается, мысль прорывается к человеку, мучает человека* и т.д. Наиболее яркие метафорические находки обнаруживаются в поэтических текстах: *Давно ли в моем непокорном уме / Сияли, как светоч, победные мысли, / Но время настало, и тени повисли, / И бродит сознание во тьме* (В. Брюсов); *Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою, / Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою* (А. Апухтин); *В сознании, как в ящике, подряд / Чугунные метафоры лежат* (Я. Смеляков); *Память! / Собери у мозга в зале / Любимых неисчерпаемые очереди* (В. Маяковский); *Словно вся прапамять в сознание раскаленной лавой текла* (А. Ахматова); *Все мозги разбил на части, все извилины заплел* (В. Высоцкий); *Мысли, крови сгустки, / Больные и запекшиеся, / Лезут из черепа* (В. Маяковский); *Неси мои думы, как воды реки, / На волю к широкому устью* (М. Волошин); *Мысли смешались, / Голову мнут* (В. Маяковский).

Интеллектуальные части человека обретают в русской речи

новые наименования, которые рождаются в результате их сравнения с предметами окружающего мира. Например: *кочан, репа, тыква, фонарь, котелок, компьютер, ящик* (наименования головы), *шарики, ролики* (технические характеристики содержимого головы); *солома, опилки* (вещественные характеристики содержимого головы). Интеллектуальные обитатели духовной вселенной имеют разветвленную систему определений. Например, определения, в которых содержатся количественные характеристики: *большой ум, широкое сознание, крошечные, мозги, короткие извилины* и т.д., и определения, содержащие качественные характеристики: *сильная мысль, слабый ум, ясное сознание* и т.д.). В основе качественных характеристик человеческого ума лежат сравнения его с реалиями окружающего мира: *Мой бедный ум, как зимний пилигрим, / Изнемогал от тщетных напряжений* (В. Брюсов); *У Алексея Ильича умишко-мышка, все знает: где – сало, где – мало, и грызет, грызет* (М. Горький); *Любил Сергей Платонович читать и до всего доходить собственным цепким, как повитель, умом* (М. Шолохов). Среди качественных определений особое место занимают определения-олицетворения (*веселый ум, злобный ум, хитрые мозги, глупая голова* и др.): *Ты всегда хороша несравненно, / Но когда я уныл и угрюм, / Оживает так вдохновенно / Твой веселый, насмешиливый ум* (Н. Некрасов); *Он искал беседы людей с желчным, озлобленным умом* (И. Гончаров); *Умение летать!.. Бесценный дар, / Взлеянная гениальным мозгом / Мечта* (В. Инбер).

Интеллектуальные части человека описываются при помощи глаголов, обозначающих самые разнообразные действия и состояния: *голова соображает, мозги шевелятся, ум изнемогает, мысль летит, разум кипит, извилины работают* и т.д.; они полностью олицетворяются, наделяясь характеристиками человека: *Видел я, / Как возвращается разум, / Связанный, / Сначала держался развязно – / Брызгал слюною, косил глазом, / Но затем поник и пролепетал бессвязно: / – Я связан* (Л. Мартынов).

В последнее время повышенная метафорическая активность сопровождается употреблением в речи наименования *мозг* (или *мозги* – форма множественного числа придает слову разговорный оттенок). Говорящие используют традиционные метафори-

ческие модели, соответствующие описанному выше пропозитивному фрейм-инварианту. Например, мозг предстает обитателем некоего пространства (целостного человека или головы) и вместилищем-пространством, которое может быть заполненным или незаполненным: *Одна голова хорошо, а с мозгами лучше* (из к/ф); *Ничто так не помогает осознать, сколько всякой ненужной фигни содержится в твоём мозгу, как разгадывание кроссворда* (анекдот); *Мой мозг опустел* (из разговора); он претерпевает воздействие со стороны своего владельца, иных обитателей духовной вселенной или внешних раздражителей: ... я, *Михайло Калашников, ... повинен в смерти людей, пусть даже врага? Чем больше я живу, тем чаще этот вопрос сверлит мой мозг* (письмо М.Т. Калашникова Патриарху Кириллу – «КП», 2014); *Когда-то давно человек, приручив собаку, потерял нюх. Теперь человек приручил Интернет и начинает терять мозг* («Ваш Ореол», 2013); *Мелодия ведь должна дойти до мозга* (реплика участника т/п «Угадай мелодию»); мозгу приписываются различные качества, действия и состояния: *Малолитражный мозг* (Т. Толстая); *У тебя одна эrogenная зона – мозги, их все время возбуждать надо, сами они не работают* (А. Кивинов); *Какая же я одинокая! Крыша съехала, мозг отдыхает, а совесть с рождения спит...* (анекдот); *Лишняя информация мозгом отсеивается, дабы освободить место для бесполезной* («КП», 2013); он выступает объектом активного воздействия со стороны своего владельца – человека, который обращается с ним как с себе подобным (человек кормит, веселит, возбуждает, лечит свой мозг, дружит и ссорится, разговаривает и спорит с ним, обижается на него и т.д.): – *Скажи мне, ты вообще дружишь с мозгами? – В смысле? Это часть меня, с ней не надо дружить, это, блин, так же, как «ты дружишь с пальцем?» или «ты дружишь с волосами на ноге?», утром просыпаешься и говоришь: «Привет, мозги, как вам спалось? Что кушать будем?»* («КП», 2013); *Рассмеши мозг; Покорми мозг* (названия групп в социальной сети «Одноклассники»); *Перекус для мозгов* (название рубрики в газете «Жизнь»); ср. также претендующий на оригинальность поликодовый текст *Путин ест мозг*. Творческими усилиями говорящих мозг олицетворяется, становится живым существом или превращается в техническое устройство,

механизм, внутри которого все действует безотказно или случаются поломки: ***В технически совершенно здоровых мозгах населения зреет какая-то базовая мысль: а что ее [Жанну Фриске] жалеть? Да нечего...*** («КП», 2014); ***В мозгу короткое замыкание*** [о преступнике, стрелявшем в людей] («КП», 2013); ***Мозг отключается и вместо «очень приятно» выдаю на-гора: «Где учишься? Кто родители?»*** («КП», 2013).

Подводя итог первой части статьи (безусловно, не исчерпывающей всех наблюдений над языковыми образами интеллектуальных частей внутреннего человека), отметим тот факт, что свойственная языковому образу homo sapiens метафоричность не является прерогативой художественных и публицистических текстов – традиционные и новые метафоры интеллектуальной тематики активно используются и в разговорной речи: *Мозги раскалились так, что голова сейчас треснет; Эти мысли у нее здоровье вытягивают; Я ж ему свои мозги не приделаю. Могу, конечно, генеральную уборку ему в голове сделать, но вряд ли поможет. Там все запущено* (из разговоров).

О семантической глобализации образа человека разумного в русской языковой картине мира говорит тот факт, что оценка различных проявлений человека часто осуществляется через призму ума (интеллекта), который, по данным текстов разных стилей и жанров, толкуется очень широко: с умственным (интеллектуальным) началом связываются самые разнообразные действия, качества, состояния человека, продукты его деятельности, внешние и внутренние атрибуты. Например, *умными/глупыми* называют *мысли, слова, поступки, чувства, движения* и т.д.; предикатные определители *умно/глупо* могут выражать оценку различных человеческих проявлений: *умно/глупо говорить, действовать, выглядеть, смотреть* и т.д.; *глупостью* именуют любые отрицательно оцениваемые проявления человека, собственно интеллектуальные и опосредованные интеллектом: *А экс-директор, а ныне президент Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина Ирина Антонова получила награду за самоотверженность в защите произведений искусства от неумных действий высших чиновников* («Ваш Ореол», 2014); *Ну глупо же врать и сплетничать на каждом шагу* (из разговора); *Да уж, эти соседские склоки! Сама иногда поражаюсь,*

почему люди не могут прощать по пустякам и могут с легкостью прощать большие обиды? Сколько раз видела, как сосед бьет жену. Она плачет, кричит, а потом прощает. Но эта же женщина не может простить соседку, которая когда-то отказалась ей дать немного муки на пироги. Где логика? Откуда такая глупость? («КП», 2013); *Честно говоря, не понимаю, зачем Лена Исинбаева оправдывалась [по поводу высказываний о представителях секс-меньшинств]. Извините, это большая глупость. Мы же не собираемся у каждого спортсмена интересоваться его сексуальной ориентацией* (И. Кобзон, «КП», 2013); – *Так, может, охрану школ нужно вооружить? – Это глупость. Представляете, что могло случиться, будь у охранника пистолет* («КП», 2014). Интеллектуальное начало усматривается и за внешними по отношению к человеку объектами действительности, созданными его усилиями: *умная машина, умные вещи, сделано с умом, безумная архитектура, бестолковое расписание, непродуманный закон* и т.д.

Известно, что преимущественное право на выход в речь имеет отрицательная оценка, неслучайно поэтому, что речетворчество на тему интеллекта наиболее ярко представлено в высказываниях-порицаниях. Говорящие видят в отклоняющихся от нормы действиях и поступках человека интеллектуальную первопричину и, выражая неодобрение применительно к конкретным проявлениям, отрицательно оценивают интеллект тех, кто производит действия, идя вразрез с общепринятыми правилами. В связи с этим и наблюдается экспансия предикатов интеллектуальной сферы в другие сферы. Этот процесс имеет и другую сторону: происходит десемантизация предикатов интеллектуальной сферы, которые часто употребляются в общеоценочных значениях «хорошо/плохо». Например, оценочный предикат *дурак* является для русских универсальным средством выражения негативного отношения к человеку и заменяет собой такие наименования, как *грубиян, разгильдяй, мот, ротозей, трус* и т.д.

Иллюстрацией креативного потенциала оценочных высказываний об интеллекте человека, связанного со стереотипным для носителей русского языка расширенным (глобальным) толкованием человеческого ума, являются примеры использования в русской речи самого востребованного прецедентного текста ин-

теллектуальной тематики – *В России две беды: дороги и дураки* (*дураки* в прецедентном тексте о двух российских бедах – это люди, чьи качества, действия, состояния связаны с интеллектом непосредственно или опосредованно).

Этот текст стал и средством характеристики и оценки объектов действительности, и источником нахождения новых, оригинальных смысловых решений. Органично вписываясь в новый контекст, прецедентный феномен актуализирует глубинные смыслы, в основе которых лежит емкий по содержанию стереотип, который находит свое регулярное отражение в русской речи. В этом комплексном стереотипе можно выделить несколько взаимодействующих слоев: кроме названного выше расширенного толкования человеческого ума, это признание за умом национальной специфики и свойственная русским людей самокритичность.

Например, в современной российской публицистике критика тех или иных человеческих проявлений часто сопряжена с оценкой интеллекта действующих субъектов, которые приобретают статус одной из главных российских бед: *Чиновники – это одна из главных российских бед* («Ваш Ореол», 2006); *Дураков у нас всегда хватало, это одна из бед России. То, что у нас в образовательных учреждениях дураков много, это, к сожалению, наша беда* («Ваш Ореол», 2008); *Наши дороги – дело рук другой главной беды* («Вечерний Омск», 2010).

Журналисты, успешно освоившие искусство маскировки отрицательной оценки человека, превратили рассматриваемый прецедентный текст в своеобразный штамп: он является самым востребованным прецедентным феноменом, легко вживляемым в новые контексты (на то, что в России много дураков, можно списать огромное количество других бед). Волею авторов расширяются смысловые границы прецедентного текста и в ряд бед, наряду с дорогами и дураками, включается любое вызывающее неудовольствие и дискомфорт явление, которое оценивается через призму интеллекта: *В России не две беды, как принято считать, а три: дороги, дураки и депутаты* («Вечерний Омск», 2004); *Кроме дураков и дорог в России есть еще одна беда: дураки, указывающие, какой дорогой идти* («КП», 2012); *Ни строительство одного «моста тысячелетия», ни расшире-*

ние трех улиц не решат первопричины этих проблем – дураков и хапуг во власти («Омское время», 2007).

Непрерывно пополняется и копилка анекдотов, в которых обыгрывается «вечная» тема двух российских бед: Если взять да и переселить всех русских в Европу, то первым делом они перекопают все дороги, чтобы снова жить в привычных условиях двух главных бед; Когда-нибудь Россия победит все свои беды! И тогда в ней не останется ни дураков, ни дорог; В России две беды, и одна из них ремонтирует другую.

Негативная оценка явлений нашей жизни, мотивирующаяся стереотипом о двух российских бедах, как правило, сопровождается актуализацией семы «постоянства», «неизменности» сложившегося положения дел: *А наши две национальные беды – дороги и дураки – неизменны («Известия», 2004); У нас еще много нерешенных проблем: сиротство при живых родителях, наркомания, алкоголизм, и главная – историческая – дураки и дороги («КП», 2006); В поле зрения нашей критики попадают люди в основном работающие, то есть по определению имеющие право на ошибки. И зачастую непонятно, совершают ли они эти ошибки из-за собственной глупости и нерадивости или от всеобщей российской дурости («Ваш Орел», 2010).* Открытое и смелое признание «всеобщей российской дурости» порой настолько «органично», «привычно» вписывается в речевой контекст, что кажется неким запрограммированным явлением, а сами недостатки получают традиционную мотивацию, подчиненную неписаному правилу, которое можно сформулировать так: *все наши проблемы – результат нашей национальной беды (глупости, дурости).*

Семантический и прагматический потенциал рассматриваемого прецедентного феномена связан с присущей языковому образу человека разумного глобализацией – вовлечением в интеллектуальную сферу широкого спектра человеческих проявлений, критерием (мерилом) оценки которых и является интеллектуальное начало в человеке.

Общий вывод таков: интеллект как поле креатива в русской речи характеризуется постоянным поиском оригинальных средств выражения характеристики и оценки человека как существа мыслящего и действующего в соответствии со своей

уникальной способностью. Речетворчество на тему интеллекта неисчерпаемо, как неисчерпаемо стремление человека познавать и оценивать свой внутренний мир и мир вокруг себя.

ЛИТЕРАТУРА

Никитина Л.Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка: учебное пособие. – Омск, 2007.

Одинцова М.П. Обитатели «духовной вселенной» в русской языковой картине мира // Филологический ежегодник. – Омск, 2002. – Вып. 4.

© Никитина Л.Б., 2014